

В. А. БАБИНЦЕВ
Свердловск

Саадабадский пакт в период «странной войны» (октябрь 1939—март 1940)

В советской исторической литературе существует мнение, что Саадабадский пакт, блок Турции, Ирака, Ирана и Афганистана, заключенный 8 июля 1937 г., «оказался фактически мертворожденным» едва ли не сразу же после его подписания¹. Некоторые исследователи считают, что пакт утратил всякое значение к началу второй мировой войны².

Зарубежная буржуазная историография предпочитает вообще умалчивать о каком-либо политическом значении Саадабадского пакта после начала второй мировой войны, хотя отдельные ее представители признают, что Саадабадский пакт сыграл заметную роль и для подписания в 1955 г. Багдадского пакта³.

Документальные материалы свидетельствуют, что осенью 1939 г. в условиях начавшейся империалистической войны определенные силы сочли момент подходящим для активизации Саадабадского пакта путем привлечения к нему новых участников, превращения его из договора о ненападении и консультациях в военный союз.

В настоящей статье делается попытка выяснить причины активизации Саадабадского пакта в начале второй мировой войны.

Советско-германский договор от 28 сентября 1939 г. сорвал расчеты западных империалистов на скорое столкновение гитлеровской Германии и СССР. Решительные действия Советского правительства по воссоединению западноукраинских и западно-белорусских земель и соглашение с Германией от 28 сентября закрывали Гитлеру дорогу не только на восток, но и на юго-восток: к Черному морю, на Балканы, Ближний Восток. Страны этого

¹ С. Л. Агаев. Иран: внешняя политика и проблемы независимости 1925—1941 гг. М., 1971, с. 302.

² П. К. Тарасов. Саадабадский пакт. — В сб.: Международные отношения в новейшее время. Свердловск, 1968, с. 65—68; А. Ф. Федченко. Ирак в борьбе за независимость 1917—1969. М., 1970, с. 70.

³ R. K. Ramazani. The Foreign Policy of Iran. A Developing Nation in World Affairs 1500—1941. Charlottesville, 1966, p. 276.

региона могли чувствовать себя в относительной безопасности, пока оставался в силе советско-германский договор о ненападении. Гитлеровские стратеги, не прекращая разработки перспективных планов захвата Балкан и Ближнего Востока, сосредоточили свои усилия на подготовке операций на западном фронте, ограничившись пока на юго-восточном направлении следующими целями: 1) избежать образования здесь второго фронта; 2) поддерживать нейтралитет стран Юго-Восточной Европы по крайней мере до тех пор, пока они остаются источником снабжения; 3) противодействовать намерениям Италии начать здесь параллельную войну; 4) всемерно беспокоить западных союзников в арабских странах и Индии, не создавая необходимости для каких-либо реальных действий со стороны Германии ⁴.

В этих условиях правящие круги Англии и Франции меняют тактику. Стратегическая установка на разрешение противоречий между двумя империалистическими группировками за счет СССР остается прежней. Меняются взгляды на средство достижения этой цели: вместо расчетов на то, что удастся выждать или спровоцировать германо-советский конфликт, на первый план выдвигается идея крестового похода. Империалистическую войну Лондон и Париж предполагали завершить империалистическим миром, новым Мюнхеном между англо-французским блоком и гитлеровской Германией ⁵. Советскому Союзу отводилась роль врага № 1, а его соседи предполагалось вовлечь в два военных блока: западные соседи должны были действовать под руководством Англии и Франции, а южные — Турции ⁶.

Англо-французская дипломатия использовала период «странной войны» для изоляции Советского Союза и создания напряженности на его границах. На севере западным державам удалось спровоцировать Финляндию на войну против СССР. На юге положение серьезно осложнилось после заключения 19 октября англо-франко-турецкого договора, превратившего Турцию в невоюющего союзника западных держав и чреватого угрозой войны для района Балкан и Черного моря.

Подписывая в Анкаре трехсторонний пакт, англо-французские империалисты преследовали далеко идущие цели в отношении стран Ближнего и Среднего Востока. В планах верховного командования союзников этому региону придавалось огромное значение. Британский генштаб в обзоре стратегического положения от 31 октября 1939 г. делал вывод: «На суше и в воздухе наши силы должны развиваться на двух сепаратных театрах — на Западе и на Среднем Востоке. С адекватными силами на этих двух главных

⁴ DGFP, ser. D, vol. 8, N 514, p. 632. Записка Йодля о политике на Востоке, 6.I.1940.

⁵ PRO, Cab. 99/1, p. 100—101. На лондонской конференции доминионов 16 ноября Чемберлен и Галифакс решительно высказались против участия во «всеобщей мирной конференции» нейтральных стран, в том числе и СССР.

⁶ World Order Papers, ser. 1. L., 1941, p. 48—49.

театрах мы будем в состоянии обеспечить наши основные интересы при любом развитии событий...»⁷. Такое заключение генштаб обосновывал тремя причинами: 1) неопределенность позиции Италии, выступление которой на стороне Германии угрожало закрытием Средиземного моря для транзитного плавания судов союзников; 2) вероятность фашистской агрессии на Ближний Восток, которую Турция не могла бы сдержать из-за недостатка сил и ограниченности военной помощи союзников, что потребовало бы «создания оборонительной линии в северной Сирии или Палестине»; 3) необходимость накопления сил для борьбы с мифической «советской угрозой» при весьма прозрачной оговорке: «Даже если нам не придется предпринимать военную акцию против русского наступления, мы будем бороться с подрывным влиянием русской пропаганды, а это может повлечь посылку войск»⁸.

В настоящее время широко известно о существовании агрессивных планов, направленных против южных границ Советского Союза, которые разрабатывались союзниками с осени 1939 г. Французское руководство предлагало правительству Великобритании воспользоваться возможностями, предоставляемыми англо-франко-турецким пактом, ввести союзный флот в Черное море для удара по Батуми и послать бомбардировщики на Баку. В английских инстанциях обсуждалась идея экспедиции британских войск через горы Каракорума с целью перерезать советские коммуникации в Средней Азии. Однако, как сообщил генеральный секретарь французского МИД Леже в беседе с послом США Буллитом, первоначально британское правительство высказалось против французского предложения⁹. Идея британского удара по советской Средней Азии была встречена лондонским руководством как «вздорная» и «фантастическая»¹⁰.

Подобная реакция ни в коей мере не была следствием «политического реализма». Шеф абвера Канарис в разговоре с итальянским военным атташе указывал другую причину: «В настоящий момент представляется, что англо-французы вряд ли способны действовать на Ближнем Востоке вследствие ограниченности сил и трудности транспортировки»¹¹. Поэтому, как заявил Леже тому же Буллиту, союзники не хотели пока брать на себя инициативу в организации открытой интервенции англо-французских войск против Советского Союза¹². Иными словами, требовались охотники таскать из огня каштаны для англо-французских империалистов.

18 октября, за день до подписания англо-франко-турецкого пакта, в МИД Турции были созданы дипломатические представи-

⁷ PRO, Cab. 99/1, p. 138.

⁸ Ibid., p. 133—134.

⁹ FRUS, 1940, vol. 1, p. 277.

¹⁰ PRO, FO 800/310, p. 297. Записка Л. Колиз, 13.X.1939.

¹¹ DDI, ser. 9, vol. 3, N 111, p. 82. Донесение посла в Берлине, 13.I.1940.

¹² FRUS, 1939, vol. 1, p. 541. Донесение посла в Париже, 30.XII.1939.

тели Ирана, Ирака и Афганистана. Посол Великобритании Нэтчбулл-Хьюджесен выступил на совещании с обзором международного положения в связи с войной и присоединением Турции к лагерю западных союзников и призвал державы Саадабадской группировки определить свои позиции, чтобы не оказаться «застигнутыми событиями врасплох», не преминув припугнуть «русской угрозой»¹³. Лондон считал необходимым созвать конференцию стран Саадабадского пакта. Очередная встреча представителей стран этого блока должна была состояться в сентябре в Женеве, но ввиду угрозы европейской войны, по предложению Сараджоглу, местом встречи была намечена Анкара¹⁴.

Вслед за этим совещанием распространились слухи о предстоящей конференции держав Саадабадского пакта, причем инициатива ее созыва приписывалась либо Ираку, либо Турции. Англо-французские империалисты, опираясь на Турцию и пробританское правительство Ирака во главе с Нури Саидом, стремились активизировать Саадабадский пакт, превратить его в военный блок, который стал бы послушным орудием западных союзников. «Возможно, что однажды, — туманно вещала «Эвр», орган французских мюнхенцев, — Саадабадский пакт будет основываться на иных принципах, чем принцип обязательства консультаций между четырьмя подписавшими его сторонами»¹⁵. Этот блок в свою очередь должен был стать ядром новой более мощной группировки стран Ближнего и Среднего Востока «от Каира до Кабула»¹⁶. По подсчетам парижской «Тан», только страны Саадабадского пакта могли сразу же выставить армию, превышающую 150 тыс. человек, кроме того, имелось 3,5 млн. резервистов¹⁷.

В Берлине и Риме опасались, что созыв конференции стран Саадабадского пакта и концентрация союзных сил на Ближнем Востоке могут привести к открытию нового фронта в Юго-Восточной Европе¹⁸.

Главной своей задачей на Ближнем и Среднем Востоке правящие круги Англии и Франции, верные идеям Мюнхена, считали создание «мусульманского фронта против большевизма». Уже в 1937 г., по сообщению «Франс Милитер», органа французской военщины, «Турция, Иран, Афганистан и Ирак заключили в Саадабадском замке под Тегераном отнюдь не военный союз, но пакт о ненападении с тем, чтобы не будить подозрений России, против которой он был направлен»¹⁹.

¹³ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, д. 1144, л. 24—25. Донесение посла в Анкаре, 25.X.1939.

¹⁴ DDI, ser. 9, vol. 1, N 855, p. 545. Донесение посла в Анкаре, 22.X.1939.

¹⁵ «L'Oeuvre», 9. II. 1940.

¹⁶ «The Times», 7. II. 1940.

¹⁷ «Le Temps», 18. I. 1940.

¹⁸ DDI, ser. 9, vol. 3, N 153, p. 131.

¹⁹ «La France Militaire», 23. III. 1940.

Кроме того, военные приготовления и дипломатические махинации союзников преследовали цель обуздать национально-освободительное движение на Ближнем и Среднем Востоке.

Страны-участницы Саадабадского пакта встретили эти планы без энтузиазма. В правительстве Ирана, по словам американского дипломата, мнения разделились: одни были за усиление значения Саадабадского пакта, другие считали его практически развалившимся. «Иран сохранит скептическое отношение к практической ценности сотрудничества с Турцией и демократиями, — заключал Энгерт, — пока Турция не проявит готовности сражаться с Россией»²⁰.

28 октября иранское официальное агентство выступило с опровержением сообщений международной прессы о скорой встрече представителей стран, подписавших Саадабадский пакт²¹. Посол Ирана в Анкаре заявил своему итальянскому коллеге, что шахское правительство «хочет избежать того, чтобы даже его простая консультация с союзниками была интерпретирована как несоответствующая позиции строгого нейтралитета, которую Иран намерен сохранить в этой войне»²². Содержание тронной речи Реза-шаха при открытии 26 октября сессии парламента и последовавшие перестановки в правительстве оценивались в тегеранских дипломатических кругах как доказательство намерения сохранить нейтралитет и не осложнять отношений с великим северным соседом. Иран стремился упорядочить свои торговые отношения с СССР, что обуславливалось не только влиянием советской мощи, но и экономическими интересами Ирана, который во внешней торговле в значительной степени ориентировался на Германию, что в условиях войны и блокады заставляло искать других партнеров²³.

В своих попытках вызвать конфликт между СССР и его южными соседями британские руководители смыкались с гитлеровцами. Район Ближнего и Среднего Востока вплоть до 10 мая 1940 г. рассматривался в гитлеровской стратегии как «отвлекающий театр наибольшего значения»²⁴. Надеясь сковать здесь большие силы англо-французов, Берлин всячески провоцировал трения между союзниками и местным населением, между СССР и его соседями, между союзниками и СССР. Осенью 1939 г. с провокационной целью из Берлина в Москву для обсуждения проекта реставрации династии Амануллы в Афганистане были направлены порученец Риббентропа Петер Клейст и бывший министр иност-

²⁰ FRUS, 1940, vol. 3, p. 624. Донесение поверенного в делах США в Иране, 23.X.1939.

²¹ "Le Temps", 30. X. 1939.

²² DDI, ser. 9, vol. 1, N 855, p. 546.

²³ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, д. 1057, л. 5. Донесение посланника в Тегеране, 28.X.1939.

²⁴ A. Hillgruber. La politique et la strategie de Hitler dans le bassin Meditteraneen. — In: La guerre en Mediterranee 1939—1945. P., 1971, p. 140.

ранных дел в правительстве Амануллы Гулям Сиддик. Этот проект ни в коей мере не отражал действительных намерений нацистской верхушки, склонной делать ставку на режим Мухаммед Захир-шаха²⁵. Миссия Клейста ничего не добила в Москве: Советское правительство разгадало подлинный смысл интриги Берлина. 18 ноября В. М. Молотов заявил германскому послу Шуленбургу, что Советское правительство не намерено поддерживать проект реставрации Амануллы²⁶.

Необходимо отметить, что уже через несколько дней после прибытия Клейста в Москву англичане использовали этот факт для распространения в Кабуле слухов, стремясь заставить афганское правительство отказаться от нейтралитета²⁷. Так или иначе, правительство Афганистана, по словам министра иностранных дел, настроенное «против любых, даже формальных обязательств в пользу той или другой воюющей стороны», высказало однако готовность принять приглашение на конференцию Саадабадского пакта, мотивируя это информационными целями²⁸.

Готовность поддержать британские планы в отношении Саадабадского пакта официально высказывала только правящая группировка Ирака во главе со ставленником англичан премьер-министром Нури Саидом и регентом Абдул Иллахом. Правительство Ирака 5 сентября 1939 г. разорвало дипломатические отношения с Германией и заявляло о верности англо-иракскому союзному договору 1930 г. Регент 1 ноября заявил в парламенте, что англо-франко-турецкий, Саадабадский пакты и пакты Ирака с арабскими государствами — это основа политики правительства²⁹.

Однако позиции пробританской группировки были далеко не прочными. Внешняя политика кабинета Нури Саида подвергалась критике в обеих палатах парламента, националистическое большинство которого было настроено против выполнения обязательств по союзному договору с Великобританией³⁰.

²⁵ L. Adamec. *Afghanistan's foreign affairs to the mid-twentieth century*. Arisopa, 1974, p. 239—241. Гитлеровцы отвергли итальянское предложение, сделанное в августе 1939 г. посланником в Кабуле Кварони Рипкену, главе германской торговой делегации, использовать Аманулла. Сам Аманулла тоже получил отрицательный ответ Берлина. Розенберг, шеф внешнеполитического отдела нацистской партии, в меморандуме «Афганистан: цели внешнеполитического отдела НСДАП» от 18 декабря 1939 г. подчеркивал, что перспективной задачей Германии является подготовка соглашения с существующим афганским режимом о союзе против Британской империи.

²⁶ DGFP, vol. 8, N 369, p. 419.

²⁷ Ibid., прим. к N 60, p. 56. Очевидно, гитлеровцы добивались именно этого, назначая в состав миссии Клейста Гуляма Сиддика, о связях которого с англичанами знали и Аманулла, и МИД, и абвер, и ведомство Розенберга. — См.: Ibid., N 449. Меморандум внешнеполитического отдела НСДАП, 12.XII.1939, p. 528—529.

²⁸ DDI, ser. 9, vol. 2, N 22, p. 16. Донесение посланника в Кабуле, 26.X.1939.

²⁹ "The Iraq Times", 2. XI. 1939.

³⁰ M. Khadduri. *Independent Iraq 1932—1958*. L., 1960, p. 146—147.

Рассчитывая прибрать к рукам арабских националистов, британская «Интеллидженс Сервис» и французская «Сюрте Женераль» провели в октябре 1939 г. операцию с «побегом» верховного главы мусульман Палестины муфтия Иерусалима Хаджи Амина аль-Хуссейна из Ливана. Он пребывал там под надзором французских и местных властей с 1937 г., так как был изгнан из Палестины после подавления палестинского восстания против британского мандата. Фигуру аль-Хуссейна, обладавшего популярностью лидера арабского националистического движения, не могли не учитывать в своей игре державы, боровшиеся за влияние в арабском мире. Французы пытались использовать его против англичан³¹. Накануне войны гитлеровские агенты предлагали ему трон объединенного палестино-сирийского государства с благожелательным покровительством рейха³².

Общая опасность со стороны оси заставила британских и французских империалистов оставить на время свои распри. Имеются документальные доказательства содействия французской разведки в лице Коломбани, шефа «Сюрте Женераль» в Леванте, «бегству» муфтия из Бейрута³³. Операция была проведена с ведома английских секретных служб, заручившихся обещанием муфтия избегать «нежелательной деятельности»³⁴. 16 октября аль-Хуссейн прибыл в Багдад. В Лондоне рассчитывали на компромисс с муфтием, подчиняя таким образом арабское националистическое движение своим интересам. «Таймс» писала, что общественность ждет от муфтия общего заявления о поддержке военных целей западных союзников в обмен на обещание не откладывать выполнения национальных чаяний арабов Палестины³⁵.

Однако аль-Хуссейн не спешил связывать себе руки, рассчитывая сыграть на межимпериалистических противоречиях. Еще будучи в Бейруте, муфтий направил французским властям письмо, оставляя его публикацию на их усмотрение, с выражением надежды на победу Франции. Французы не решились опубликовать этот документ, опасаясь вызвать неудовольствие Англии³⁶. В Ираке аль-Хуссейн развернул деятельность, направленную на устранение пробританского правительства Нури Саида.

В этих условиях переговоры о созыве конференции Саадабадского пакта затянулись. Особого рвения не проявляла и Турция, несмотря на неофициальные заявления Сараджоглу о готовности взять на себя инициативу в этом³⁷. Английская дипломатия, как

³¹ R. Melka. The axis and the Arab Middle East. 1930—1945. Michigan, 1975, p. 106—107.

³² "La correspondance internationale", 12. VIII. 1939, p. 957.

³³ R. Melka. The axis and the Arab Middle East, p. 108.

³⁴ The Arab War Effort. A Documented Account. N. Y., 1946, N 2, p. 33.

³⁵ "The Times", 18. X. 1939.

³⁶ G. Puaux. Deux années au Levant. Souvenirs de Syrie et du Liban 1939—1940. P., 1952, p. 169.

³⁷ DDI, ser. 9, vol. 1, N 844, p. 537. Донесение посла в Москве, 21.X.1939.

следует из меморандума Маклина³⁸ от 28 октября 1939 г., учитывая позицию Ирана и Афганистана, считала своей первоочередной задачей склонить Турцию к открыто антисоветскому курсу и через ее посредство «поднять воодушевление в других членах Саадабадского пакта»³⁹. В телеграмме британскому послу в Багдаде от 29 ноября Галифакс заявлял, что в Лондоне «любые практические предложения по усилению сотрудничества между Саадабадскими державами... приветствовались бы, особенно если бы инициатива исходила от Турции»⁴⁰.

После начала советско-финской войны обработка Турции, Ирака, Ирана и Афганистана развернулась с новой силой. Англо-французские империалисты использовали экономическое давление, соблазняя территориальными приобретениями, играли на религиозных чувствах, запугивали «советской опасностью», стремясь «повторить «финляндский опыт» на Ближнем Востоке»⁴¹.

Разжиганию антисоветского психоза на Ближнем Востоке активно содействовала гитлеровская пропаганда в соответствии с установкой ОКВ всемерно беспокоить союзников в этом районе. В первых числах декабря в газетах появилось провокационное интервью поверенного в делах Германии в Вашингтоне, заявившего, что советско-финский конфликт — лишь часть одобряемых Германией планов России вернуть территории, утраченные после первой мировой войны, причем главной их целью является Турция и полный контроль над Проливами⁴². Германская пресса распространяла сообщения, которые охотно подхватывала союзная пропаганда, о концентрации Красной Армии на границах с Турцией, Ираном и Афганистаном, о «московских проектах» прорыва к иранской и мосульской нефти, Персидскому заливу, Индии. «Союзники могут только благодарить...» — писала по этому поводу парижская «Тан»⁴³. В деле создания напряженности на южных границах СССР пропагандисты воюющих сторон нашли общий язык.

В обстановке антисоветской шумихи, раздуваемой мировой реакцией в связи с возникновением советско-финской войны, в странах Саадабадской группировки оживилось враждебное Советскому Союзу направление. Агенты бывших владельцев нефтепромыслов в Закавказье вели разговоры об отторжении от СССР бакинского нефтяного района⁴⁴. По всем каналам усилился британский нажим с целью добиться поддержки Ирана планам активизации Саадабадского пакта. Англо-иранская нефтяная компания

³⁸ Фицрой Маклин — ответственный чиновник, специалист по Среднему Востоку в Северном департаменте Форин Оффис, отделе, координировавшем анти-советские аспекты британской политики.

³⁹ PRO, FO 424/284, N 4, p. 2—4. Донесение посла в Анкаре, 19.XII.1939.

⁴⁰ Ibid., p. 3.

⁴¹ «Правда», 1940, 3 марта.

⁴² DDI, ser. 9, vol. 2, N 439; N 527, p. 401.

⁴³ «Le Temps», 29. XII. 1939.

⁴⁴ DDI, ser. 9, vol. 3, N 79, p. 61. Донесение посланника в Тегеране, 10.I.1940.

обещала шахскому правительству крупный заем, требуя «под шумок» выдворения всех немцев из района нефтяных разработок в Южном Иране⁴⁵. Предложенный заем должен был использоваться исключительно для оплаты поставок союзных держав и был отклонен иранским министерством финансов, поскольку союзники были не в состоянии обеспечить его поставками⁴⁶.

В угодую англичанам иранское правительство приняло ряд мер. Из провинции Хузистан, где располагались нефтепромыслы АИНК, были высланы германские подданные⁴⁷. Скрытно производилась мобилизация: в конце января 1940 г. были призваны сразу пять возрастов, к советско-иранской границе стягивались войска. Однако шах отказался направить в Анкару военную миссию, опасаясь обострять отношения с СССР и не желая признавать гегемонию Турции в преобразуемом Саадабадском блоке⁴⁸. Иранская печать неоднократно давала отповедь провокационным слухам о «большевистской угрозе» Ирану⁴⁹. Шахское правительство форсировало затянувшиеся переговоры о торговом соглашении с Советским Союзом, которое было подписано 25 марта 1940 г. Но, заключая это соглашение, иранские правящие круги больше думали об обеспечении транзита через территорию СССР для торговли с Германией, чем о действительном развитии отношений с Советским Союзом⁵⁰.

В основе политики Реза-шаха лежал принцип: «нейтралитет следует проводить, опираясь на силу»⁵¹. Эту силу шах видел в гитлеровской Германии, рассчитывая с ее помощью осуществить свои антисоветские замыслы и освободиться от английского влияния⁵². По словам министра иностранных дел, Англия казалась иранской реакции недостаточно решительной в борьбе против СССР⁵³. Один из британских эмиссаров, сновавших между столицами Саадабадских стран, в беседе с секретарем итальянского посольства в Анкаре с сожалением констатировал, что все же «турки и персы не сознают необходимости объединиться для создания общего антибольшевистского блока»⁵⁴.

В Турции, как и в Иране, начавшаяся советско-финская война породила воинственные настроения. Турецкий генштаб формировал в восточной Турции два новых армейских корпуса и укреплял

⁴⁵ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, д. 1057, л. 8. Донесение посольства в Тегеране, 3.II.1940.

⁴⁶ Мохаммед Реза Шах Пехлеви. Мое служение Родине. Мемуары, вып. 1. М., 1961, с. 67.

⁴⁷ FRUS, 1940, vol. 3, p. 625. Донесение поверенного в делах США в Иране, 3.I.1940.

⁴⁸ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, д. 1057, л. 8.

⁴⁹ «Известия», 1940, 6 февраля.

⁵⁰ С. Л. Агаев. Иран: внешняя политика..., с. 313.

⁵¹ Мохаммед Реза Шах Пехлеви. Мое служение Родине, с. 68.

⁵² Там же, с. 67, 69.

⁵³ DDI, ser. 9, vol. 2, N 440, p. 349.

⁵⁴ DDI, ser. 9, vol. 3, N 38, p. 25. Донесение посла в Анкаре, 6.I.1940.

кавказскую границу, причем, как доносил 19 декабря Нэтчбулл-Хьюджессен из Анкары, если прежде турецкие официальные круги держали эти мероприятия в секрете даже от своих британских союзников, то теперь в беседе с английским послом Сараджоглу заявил, что турецкое правительство и генеральный штаб считают врагом № 1 СССР, и информировал о военных приготовлениях в восточных вилайетах ⁵⁵.

Но это не означало, что турецкие правящие круги были готовы без колебаний ввязаться в антисоветские авантюры. Используя стремление союзников сколотить антисоветский фронт, турки выдвинули повышенные требования в отношении военных поставок. В конце ноября в Париже и Лондоне начались переговоры союзников с турецкой миссией, возглавляемой Менеменджиоглу, об урегулировании вопросов о кредитах, торговле и поставках вооружения, после чего в соответствии с секретной шестой статьей специального соглашения англо-франко-турецкий пакт от 19 октября должен был вступить в силу. Менеменджиоглу потребовал в Лондоне дополнительных военных поставок для «укрепления кавказской границы», мотивируя это тем, что, подписывая специальное соглашение, турецкое правительство предусматривало снабжение Турции военными материалами из расчета потребностей для укрепления только фракийской границы ⁵⁶.

Между тем вопрос о созыве конференции Саадабадского пакта оставался неопределенным. 12 декабря багдадская газета «Ирак Таймс», исходя из многократного обмена мнениями между участниками пакта, заключила об отсутствии необходимости в конференции ⁵⁷.

В годовом политическом обзоре от 29 декабря 1939 г. британский посол в Анкаре Нэтчбулл-Хьюджессен, отмечая наличие двух точек зрения внутри Саадабадского пакта, писал: «Следует надеяться, что эти сталкивающиеся точки зрения не завершатся каким-либо шагом, способным ослабить Саадабадский пакт, который в глазах правительства Его Величества образует наилучшую комбинацию и основу, на которой необходимо создать несколько более твердую структуру» ⁵⁸.

Считая турецкую позицию ключевой в Саадабадском пакте, союзники обдумывали возможность пообещать туркам что-нибудь из советских территорий в обмен на сотрудничество в антисоветской войне, например, нефтяные районы Баку и Батуми или даже всю территорию, прилегающую к Кавказу до линии Ростов-на-Дону — Астрахань. «Придется что-нибудь обещать», — заметил английский военный атташе в Анкаре на вопрос своего итальянского коллеги ⁵⁹. Однако Форин Оффис не был склонен к излиш-

⁵⁵ PRO, FO 424/284, N 4, p. 2—3.

⁵⁶ Ibid., 424/283, N 130, прим., p. 146.

⁵⁷ "The Iraq Times", 12. XII. 1939.

⁵⁸ PRO, FO 424/284, N 5, прил., p. 7.

⁵⁹ DDI, ser. 9, vol. 3, N 350, p. 303.

ней щедрости даже в посулах, как явствует из записки шефа Северного департамента Лоуренса Колиэ от 8 марта 1940 г.: «Если это действительно правда, что ценой за турецкую помощь против России является передача всего района от турецкой границы до Ростова, то боюсь, что цена эта слишком высока...»⁶⁰.

После прорыва Красной Армией «линии Маннергейма» вопрос о том, удастся или нет западным державам толкнуть Турцию на путь антисоветских авантур, достиг кульминационного пункта. 13 февраля британский посол вручил Сараджоглу ноту с требованием открыть Проливы для военного флота союзников⁶¹. Итальянское агентство «Стефани» распространило провокационное сообщение о начале советско-турецкого вооруженного конфликта на Кавказе. ТАСС 20 февраля опубликовало опровержение, к которому через два дня присоединилось Анатолийское агентство⁶². Ложь, опровергнутая официальными агентствами СССР и Турции, покатилась по страницам западной прессы, обрастая неслыханными подробностями и накаляя обстановку. Стремясь представить союзников в роли спасителей, парижская «Тан» писала, что «Англия и Франция совершают благодеяние, принимая меры предосторожности против насильственной экспансии большевиков к югу за счет Турции и Ирана...»⁶³.

Однако очевидный провал антисоветской затеи в Финляндии отрезвил самых усердных приверженцев британских замыслов в Турции. Британский посол в Анкаре 26 февраля получил отрицательный ответ турецкого правительства на ноту от 13 февраля, где говорилось, что принятие английских требований «было бы в теперешних обстоятельствах прелюдией к состоянию войны»⁶⁴.

Вечером 29 февраля 1940 г. по радио с программной речью выступил премьер-министр Турции Сайдам. Он официально опроверг циркулирующие в стране и за рубежом слухи о решении правительства вступить в войну, заявил о тенденциозном характере сообщений о якобы имевшем место инциденте между Турцией и СССР, об отсутствии у турецкого правительства намерений совершать какое-либо действие, направленное против СССР, и отсутствии всяких доказательств, которые позволяли бы предполагать аналогичные намерения со стороны Советского Союза. «Наши обязательства ясны, — сказал премьер-министр. — Наши намерения и наши цели определены. Мы наметили пространство нашей безопасности договорами, которые известны всем. Мы сказали и ясно показали, когда у нас может возникнуть атмосфера неуверенности. Наша позиция — находиться «вне войны» опирается на национальную неприкосновенность. Эта позиция не содержит и

⁶⁰ Цит. по: G. Kahle. Britische Infiltrationsbemühungen in Transkaukasien 1939/40. — "Militärgeschichtliche Mitteilungen", 1974, N 2, p. 108.

⁶¹ PRO, FO 424/284, N 25, прил. 1, p. 44—45.

⁶² «Правда», 1940, 20, 23 февраля.

⁶³ "Le Temps", 23. II. 1940.

⁶⁴ PRO, FO 424/284, N 25, прил., 2, p. 45.

не будет содержать в будущем никакой возможности сделаться игрушкой каких бы то ни было комбинаций»⁶⁵.

Пример Финляндии показал, к чему вели козни англо-французской дипломатии в странах Саадабадского пакта. «Турция, — разъяснял Менеменджиоглу смысл речи Сайдама итальянскому послу в Анкаре, — не хочет быть трамплином для чуждых ей интриг или стать полем битвы во имя чуждых интересов»⁶⁶. Иными словами, как отмечала германская печать, она стремилась «отмежеваться от английских маневров в Черном море и Азии»⁶⁷.

Отрицательную позицию по отношению к английским планам занял Афганистан. Афганский министр иностранных дел заявил итальянскому посланнику в Кабуле Кварони об отсутствии у Афганистана намерений брать на себя инициативу в деле превращения Саадабадского пакта в военный союз. «Он считает, — сообщал Кварони в Рим, — что по географическим и военным соображениям участники пакта не в состоянии оказывать взаимную военную помощь. Поэтому военные соглашения между ними могли бы вызвать лишь раздражение России без какой-либо практической выгоды для них». Исходя из этого, посланник полагал, что Афганистан настроен скорее заручиться прямой поддержкой Англии⁶⁸. Афганское правительство не склонно было доверять своим союзникам по пакту, тем более, что с некоторыми из них отношения были напряженные, а с Ираком они были даже разорваны.

Усиление провокационной кампании западной пропаганды в конце февраля и очевидный провал финской авантюры потребовали от афганского правительства четкого определения позиции. 26 февраля египетская газета пробританского направления «Аль Хиляль» сообщила о подготовке Афганистана к войне ввиду опасности «советского нападения» и принятых афганским правительством «чрезвычайных мерах»⁶⁹.

9 марта в кабульском офицозе «Ислах» афганский посол в Анкаре писал: «СССР и Афганистан между собой друзья и имеют дружественные отношения. Я не думаю, что мир восточных стран подвергнется опасности со стороны СССР и что СССР желает напасть на Индию через восточные страны»⁷⁰. Позднее «Ислах» еще раз официально опроверг подобные слухи, особо остановившись на сообщении «Аль Хиляль» от 26 февраля: «Нет никакой

⁶⁵ «Известия», 1940, 3 марта.

⁶⁶ DDI, ser. 9, vol. 3, N 413, p. 362.

⁶⁷ Ibid., N 435, p. 375. Донесение посла в Берлине, 2.III.1940.

⁶⁸ Ibid., N 98, p. 72—73. Кварони — Чиано, 13.I.1940. Афганское правительство считало, что, оказывая значительную финансовую и экономическую поддержку Турции, Англия должна быть не менее щедрой и по отношению к Афганистану. — См.: L. W. Adames. Afghanistan's foreign affairs..., p. 244.

⁶⁹ «Daily Worker», 25. III. 1940.

⁷⁰ Цит. по: Л. Б. Теплинский. 50 лет советско-афганских отношений. М., 1971, с. 105.

опасности, которая угрожала бы Афганистану, требуя принятия чрезвычайных мер»⁷¹.

На позиции Турции, Ирана и Афганистана большое влияние оказывала позиция СССР. Советское правительство, придерживавшееся политики строгого нейтралитета в империалистической войне, неоднократно заявляло об отсутствии каких-либо враждебных намерений в отношении этих стран. «Правительство не видит никаких оснований к ухудшению отношений с нашими соседями и на юге», — заявил В. М. Молотов 29 марта 1940 г. в речи на сессии Верховного Совета СССР, опровергая приписываемые Советскому Союзу фантастические планы походов Красной Армии «на Индию», «на Восток». Вместе с тем в речи прозвучало серьезное предупреждение тем из соседей, кто мог оказаться орудием агрессивной политики против СССР⁷². Советское правительство пригласило турецкого посла в Москве лично посетить Закавказье, чтобы убедиться в несостоятельности слухов о советских военных приготовлениях на Кавказе⁷³.

Позиция иракского правительства была наиболее благоприятной планам активизации Саадабадского пакта. Министр иностранных дел Турции Сараджоглу уверял итальянского посла: «Все эти восточные интриги, в которые хотят вовлечь также и Египет, плетет премьер Ирака Нури Саид, являющийся британской креатурой»⁷⁴. Иракская правительственная печать неоднократно декларировала антисоветскую направленность предполагаемой трансформации Саадабадского пакта. Политической задачей его, по словам «Аль Истикляль», должно было стать то, чтобы любым способом «сдержать в теперешних границах советское влияние»⁷⁵.

Однако позиции Нури Саида в Ираке становились все более шаткими. В конце февраля 1940 г. в Ираке вспыхнул правительственный кризис, который едва не привел к устранению Нури от власти. Британское военное министерство распорядилось привести в боевую готовность части индийских войск, чтобы в случае необходимости занять Багдад⁷⁶. Угодное Лондону правительство держалось в Ираке буквально на английских штыках.

С заключением советско-финляндского мирного договора 12 марта 1940 г. шансы склонить южных соседей СССР к открыто-антисоветскому курсу резко упали. Западная печать заговорила о некоем, по выражению «Франс Милитер», «новом аспекте политики Саадабада». «Будет или нет завтра военный союз между этими четырьмя государствами, — писал орган французской ар-

⁷¹ Цит. по: "Daily Worker", 25. III. 1940.

⁷² В. М. Молотов. Внешняя политика правительства. Доклад на заседании VI сессии Верховного Совета Союза ССР 29 марта 1940 г. М., 1940, с. 17.

⁷³ PRO, FO 424/284, N 29, прил., р. 52.

⁷⁴ DDI, vol. 3, N 38, p. 25.

⁷⁵ Цит. по: "Le Temps", 18. I. 1940.

⁷⁶ «Известия», 1940, 23—24 февраля.

ми, — факт остается фактом: эти четыре государства сегодня едины перед лицом советской угрозы»⁷⁷.

Пьер Блох — депутат французского парламента, секретарь парламентских комиссий по делам армии и колоний, опубликовал в «Эвр» статью, в которой, оценивая значение англо-франко-турецкого и Саадабадского пактов, заявлял, что «не надо более рассчитывать только на эти пакты», и призывал правительство Рейно и межсоюзническое командование самим позаботиться о «рewanше за финляндское поражение» решительными действиями на южных границах СССР⁷⁸.

Усилилось стремление западных союзников к компромиссному миру с Германией. По сообщению германского посольства в Швейцарии, Массигли, один из главных проводников антисоветского курса Франции на Ближнем Востоке, проездом в Париж заявлял в Женеве о желательности зафиксировать статус-кво в Европе⁷⁹. Англо-французские империалисты хотели обеспечить тылы на Западе для действий против СССР.

Потеряв надежду сколотить «мусульманский фронт против большевизма», в Лондоне и Париже не отказались от расчетов втянуть страны Ближнего и Среднего Востока в войну против Советского Союза путем организации англо-французской операции на Кавказе, планы которой разрабатывались с осени 1939 г. 28 марта 1940 г. верховный союзный совет принял принципиальное решение о бомбардировке советских нефтепромыслов на Кавказе⁸⁰. Одновременно под предлогом защиты собственности АИНК в соответствии с планом «Форель» англо-индийские войска должны были занять район Абадана — Басры⁸¹. Британские империалисты полагали, что это приведет в действие одну из статей советско-иранского договора 1921 г., допускавшую введение советских войск в Северный Иран, и таким образом конфликт на южных границах СССР перерастет в большую войну.

Итак, Саадабадский пакт отнюдь не стал к началу второй мировой войны «клочком бумаги». В период «странной войны» пакт приобретает большое значение в антисоветских планах англо-французской группировки и самой реакционной части правящих классов стран-участниц Саадабадского пакта. После присоединения Турции к англо-французскому блоку и особенно во время советско-финского конфликта по инициативе Лондона и Парижа велись переговоры о превращении пакта в прямой военный союз,

⁷⁷ "La France Militaire", 23. III. 1940.

⁷⁸ "L'Oeuvre", 9. IV. 1940.

⁷⁹ Deutschland. Auswärtiges Amt. Archiv, T-120 1306, Bl. 489127.

⁸⁰ История дипломатии, т. 4. М., 1975, с. 37.

⁸¹ Начало плану «Форель» было положено меморандумом Средневосточного командования «Военная политика на Среднем Востоке», представленным британскому военному кабинету в декабре 1939 г., а подготовка в основном завершена в конце марта — начале апреля 1940 г. — См.: Pal D h a r m. Official History of the Indian Armed Forces in the Second World War 1939—1945, vol. 2. Campaign in Western Asia. Calcutta, 1957, p. 33—36.

связанный посредством англо-франко-турецкого и англо-иракского договоров с западными союзниками, о создании «мусульманского фронта против большевизма», объединяющего Ближний и Средний Восток «от Каира до Кабула». Эти планы не только не имели практического значения в борьбе с фашистской агрессией, но даже были на руку державам оси, заинтересованным в создании напряженности на Ближнем Востоке и разжигании конфликта между Англией и Францией и СССР.